

На правах рукописи

ЛОГИНОВ Александр Викторович

**КАТЕГОРИЯ ИНТЕРРОГАТИВНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10. 02. 01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Тамбов 2015

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО
«Московский педагогический государственный университет»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Колесникова Светлана Михайловна

Официальные оппоненты: **Монина Тамара Степановна,**
доктор филологических наук, профессор,
ректор НОУ ВПО «Новый
гуманитарный институт (НГИ),
Электросталь

Шаповалова Татьяна Егоровна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры современного
русского языка ГОУ ВПО «Московский
государственный областной университет»

Артамонов Владимир Николаевич,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка
ФГБОУ ВПО
«Ульяновский государственный
педагогический университет имени И.Н.
Ульянова»

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Ярославский
государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского»**

Защита состоится 30 октября 2015 г. в 11 часов на заседании диссертационного совета Д 212.261.03 при ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» по адресу: 392000, г. Тамбов, ул. Советская, 181 «И», учебный корпус № 5, зал заседаний диссертационных советов.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» и на сайте университета: <http://www.tsutmb.ru>

Автореферат разослан « ___ » 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук
профессор

Л.Е. Хворова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Изучение **вопросительного предложения** (ВП) на протяжении многих десятилетий является предметом особого внимания лингвистов. ВП описаны с разных точек зрения: структуры (Ю.В. Ванников [1957], Н.Я. Лойфман [1958], И.П. Распопов [1958], П.А. Беренштейн [1959], Р.Я. Саакьян [1965], М.Е. Проселкова [1971], П. Рестан [1972], В.Е. Шевякова [1974], Г.В. Валимова [1975], О.А. Крылова [1976], И.П. Святогор [1976], Г.Е. Крейдлин [1982], Н.Н. Самсонова [1987], Е.Е. Карпушина [1992], В.А. Мелькумянц [1997], А.П. Долгова [1999], Е.И. Белая [2001], О.В. Клокова [2002], и др.); семантики (В.И. Горелов [1966], Ю.И. Зуев [1966], Л.Ф. Бердник [1978], О.Г. Почепцов [1979], И.А. Королькова [1980], А.Н. Баранов [1983], Л.Л. Дроботова [1983], Е.Б. Степанова [1993], Г.Ф. Гаврилова [1997], Е.Н. Линдстрем [2003], В.В. Казаковская [2005], О.А. Малахова [2005], Л.А. Мостовая [2010] и др.); стилистического употребления (М.Д. Мальцев [1949], С.А. Матвеева [1966], А. Стельмашук [1987], В.Е. Кучереносов [1988], Э.О. Лассан [1997], И.Б. Британ [2005], Г.Р. Власян [2002], Н.М. Вахтель [2003], А.В. Логинов [2007], Н.Н. Белошицкая [2010], А.В. Канафьева [2011] и др.); роли в коммуникативном акте (В.Ф. Берков [1968], А.М. Сколкова [1972], Я. Фирбас [1972], А.М. Визгина [1973], Р. Конрад [1985], М.Ж. Карашулакова [1986], И.М. Кобозева [1988], В.Г. Руделев [1992], Л.В. Цурикова [1992], Н.А. Печникова [1995], С.А. Ремизова [2001], Н.И. Голубева-Монаткина [2004], Л.Б. Балашова [2006], Л.П. Бердникова [2006], Е.В. Рагозина [2008], Н.И. Гуляева [2013], Н.А. Пробст [2014] и др.).

Такая многоаспектность свидетельствует, с одной стороны, о сложности, емкости и неоднозначности ВП, а с другой, о необходимости создания целостной концепции вопросительности, представляющую собой одну из важнейших категорий языка.

Вопросительные конструкции существуют не сами по себе, а в определенном текстовом континууме и требуют осмысления на более высоком – категориальном – уровне. Чтобы утвердить за языковым явлением статус категории, необходимо учитывать, как минимум, три компонента: реализацию в коммуникативной ситуации, структурную организацию, семантику. Применительно к ВП каждая из указанных составляющих характеризуется специфическими чертами, не позволяющими перепутать с составляющими других типов высказываний. Но самым важным является то, что их совокупные отношения формируют категорию интеррогативности.

Категория интеррогативности (КИ) понимается нами как неотрывная часть общей антропоцентрической установки языка, закономерной ориентации языковых значений, лексических и грамматических, на такую референциальную сферу отражения и интерпретации, как человек и его деятельность. Структурообразующим и функционально-значимым компонентом категории интеррогативности выступает **интеррогативное**

(вопросительное) **высказывание** (ИВ), выражающее потребность в информации о каком-либо положении дел или его уточнении.

Занимая специфическое место на коммуникативной оси, ИВ в силу своей активизирующей адресованности является в функционально-коммуникативном отношении наиболее сильным членом коммуникации. Всякий полноценный акт познания включает в себе вопрос, и именно вопросами выражается первое побуждение мысли, что проявляется в закономерностях их функционирования, которые находят отражение в типовых языковых вариантах, репрезентируемых в конкретных интеррогативных ситуациях.

В реализации системных значений той или иной функционально-семантической категории особая роль принадлежит элементам контекста и речевой ситуации. Контекст представлен элементами окружения данного объекта в высказывании, существенными для реализации определенного системного значения в каком-либо варианте. Речевая ситуация включает все то в обстановке речевого акта, отражаемой в сознании его участников, что взаимодействует со значением языковых средств, участвуя в формировании содержания высказывания, и интерпретируется с точки зрения адресанта и адресата.

Мы придерживаемся точки зрения, что «концептуальным основанием рассматриваемой модели грамматики является треугольник **«семантическая категория – функционально-семантическое поле – категориальная ситуация»** [Бондарко 2002: 319 – выделено нами – *А. Л.*].

Категория интеррогативности полностью соответствует обозначенной формуле и проявляется в семантике, функциях и структурной организации ИВ. Как две полярные реализации данной категории, это, с одной стороны, собственно вопросительная конструкция, с другой – риторическая. В интервале между ними находятся логико-синтаксические организации разной степени интеррогативности.

Вопросительность или псевдовопросительность зависит от конкретной речевой ситуации (экстралингвистического фактора), а также от тех формально-грамматических средств, которые участвуют в организации синтаксической интеррогативной конструкции. Данные средства формируются в полевую иерархию с четко прослеживаемым ядром (центром) и периферией. Такая организация определяется нами как функционально-семантическая категория интеррогативности.

Осмысление категории интеррогативности как важного межуровневого концепта обусловлено, прежде всего, влиянием человеческого фактора. Естественно, для создания вопросительной конструкции и выражения семантики интеррогативности используется не один элемент, а, как минимум, два или целый комплекс. В этом случае реализуется все многообразие парадигматических и синтагматических отношений и мыслительно-речевой деятельности. Но при всем этом главными остаются собственно вопросительные средства и интонация.

Все вышесказанное определило объект и предмет нашего исследования.

Объектом исследования послужила семантика интеррогативности, выражаемая в современном русском языке системой разноуровневых языковых средств.

Предмет исследования – механизм функционирования разноуровневых средств в системе языка и речевой деятельности, отражающий познавательную, интеллектуальную и эмоциональную сферы коммуникантов и сущность процесса познания средствами языка от неизвестности к запросу и от него к известности.

Актуальность исследования определяется характерной особенностью обращения современных лингвистических теорий к антропоцентрическому началу, позволяющему рассматривать проблему интеррогативности в русле взаимодействия семантики, прагматики, грамматики и обеспечивающего возможность комплексного анализа семантики интеррогативности в языковой и речевой деятельности. Многочисленные работы, посвященные различным аспектам теории вопросительного предложения, интерпретации и квалификации языковой семантики интеррогативности в лингвистических исследованиях на русском языковом материале, неоднозначны, что закономерно обуславливает поиски оснований для систематизации средств ее выражения в рамках теории функциональной грамматики.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые проведен комплексный, многоаспектный анализ категории интеррогативности с учетом функционально-семантического, структурно-семантического, коммуникативного и прагматического подходов к изучению языковых единиц и представлена целостная концепция исследуемой категории; впервые доказано, что категория интеррогативности является функционально-семантической категорией, совмещающей признаки двух полевых организаций: модальности и коммуникативной перспективы высказывания, и в основе которой лежит монокатегориальное гетерогенное функционально-семантическое поле смешанного типа; выделена и обоснована специфика интеррогативного значения путем сопоставления с семантикой неизвестности и неопределенности; расширено языковое значение интеррогативности с учетом взаимодействия поля интеррогативности с другими полями: бытийности, побудительности, экспрессивности, эмоциональности, а также уточнены условия их проявления, связанные с нейтрализацией категориального значения интеррогативности в конкретных коммуникативно-прагматических ситуациях; с учетом функционально-семантических и прагматических факторов комплексно описаны ядерные и периферийные лексические и синтаксические средства организации функционально-семантической категории интеррогативности, при этом установлено, что в качестве грамматикализованного ядра интеррогативности выступает система разноуровневых средств: синтаксическая категория интеррогативности (вопросительные предложения), лексико-грамматическая категория (вопросительные местоимения, частицы, глаголы с семантикой запроса); уточнены и расширены особенности реализации интеррогативной ситуации во внутренней речи коммуникантов, установлены отличия от ее

реализации в стандартном диалоге: имитация мыслительного процесса, раздвоение персонажного голоса, использование особых синтаксических структур; показаны прагматические аспекты интеррогативной ситуации, влияющие на разграничение ядерной и периферийных зон категории: истинная и мнимая, односторонняя и двусторонняя интеррогативность; уточнены целевые установки коммуникантов и роль тематической обусловленности в реализации интеррогативной ситуации.

Цель исследования:

Разработать целостную концепцию категории интеррогативности, определив её статус в системе других категорий современного русского языка.

Задачи исследования:

1. Представить категорию интеррогативности как многоаспектную функционально-семантическую категорию, объединяющую разноуровневые языковые средства (прежде всего лексико-морфологические и синтаксические) и организованную по принципу поля.

2. Определить место функционально-семантической категории (ФСК) интеррогативности в системе других функционально-семантических категорий современного русского языка, обратив особое внимание на природу исследуемой категории и ее связи с ФСК модальности и коммуникативной перспективы высказывания.

3. Выделить и охарактеризовать ядерные и периферийные средства организации функционально-семантического поля интеррогативности с учетом их реализации в различных коммуникативно-прагматических условиях.

4. Выявить и описать дифференциальные признаки семантики интеррогативности, проведя анализ закономерностей проявления объективного и субъективного факторов при ее формировании в мышлении и языковой интерпретации.

5. Провести комплексный анализ языковых средств, участвующих в выражении интеррогативной семантики, с учетом их функционирования в синтаксических организациях различного структурного типа.

6. Представить интеррогативную коммуникативную ситуацию как обязательное условие реализации вопросительного значения.

Положения, выносимые на защиту:

1. Категория интеррогативности представляет собой функционально-семантическую категорию, образованную по принципу поля, ядерными компонентами которого являются структурно-семантические разновидности вопросительного предложения с эксплицитно выраженным категориальным семантическим компонентом «запрос информации» и реализованные в диалогическом типе речи.

2. Периферия функционально-семантического поля интеррогативности неоднородна по своему содержанию и представлена двумя уровнями.

Ближнюю периферию составляют интеррогативные высказывания с категориальным семантическим компонентом «запрос информации», реализованными в конкретных структурно-семантических разновидностях

вопросительного предложения в монологическом типе внешней речи и во внутренней речи адресанта.

Дальняя периферия формируется интеррогативными высказываниями, такими как риторический вопрос, вопрос-побуждение, вопрос-эмоция, в случае, когда категориальный семантический компонент «запрос информации» по причине определенных коммуникативных установок говорящего нейтрализуется, а на смену ему приходит категориальный семантический компонент другого функционального типа высказывания.

3. ФСП интеррогативности представляет собой монокатегориальное гетерогенное функционально-семантическое поле смешанного типа. Применение понятия «смешанный тип» возможно благодаря совмещению в исследуемом явлении признаков двух системных организаций: модальности и коммуникативной перспективы высказывания.

4. Категориальным семантическим компонентом интеррогативности является сема интеррогативности, выражающая запрос о неизвестном и реализующаяся в своих вариантах – прагмасемах.

5. Разноуровневая система выражения интеррогативной семантики находится в динамическом взаимодействии. В качестве основной единицы, в полной мере реализующую ту или иную интеррогативную составляющую, выступает интеррогативное высказывание, базирующееся на определенном типе синтаксической конструкции – вопросительном предложении.

6. ФСК интеррогативности представляет собой динамическую систему, которая при взаимодействии с другими системными организациями языка (бытийность, побудительность, экспрессивность) имеет зоны пересечения и наложения.

7. Обязательным условием реализации функционально-семантических значений интеррогативности является наличие коммуникативной интеррогативной ситуации, проявляющейся в различных типах речи: классическом диалоге, монологе, внутренней речи.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в углублении теории интеррогативности, ее комплексной разработке и научном анализе, в расширении представлений о связях между лексическим, морфологическим и синтаксическим уровнями языковой системы. Результаты, полученные в диссертации, способны стимулировать дальнейшие изыскания в сфере семантики интеррогативного высказывания. Проведенное исследование вносит определенный вклад в развитие теории функциональной грамматики, характеризующейся научно-методической установкой на системное рассмотрение парадигматики и синтагматики функционально-семантической категории интеррогативности, на установление специфических признаков вопросительности в общезыковой картине мира.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения теоретических выводов, представленных в работе, в практике вузовского преподавания (при разработке и чтении основных курсов: современный русский литературный язык, русский язык и культура речи,

стилистика, а также при разработке и чтении спецкурсов и проведении спецсеминаров) и в школе.

Сведения, представленные в диссертации, могут быть использованы также при обучении русскому языку как неродному, что весьма актуально в условиях современной языковой ситуации.

Теоретические положения могут быть взяты за основу создания учебников нового поколения, в которых будут учтены не только типичные, ядерные языковые явления, но и периферийные и синкретичные образования.

Результаты и методика исследования могут служить базой для дальнейшего анализа специфики категории интеррогативности и других грамматических категорий.

Материалом исследования послужили произведения русской литературы XIX-XX вв., которые отличает наиболее высокий уровень реализма и психологизма: произведения И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, И.А. Гончарова, А.П. Чехова, Б. Пастернака, А.И. Солженицына, В. Войновича и др. Наша картотека насчитывает более 17000 примеров на употребление вопросительных конструкций.

Методология исследования. При изучении и анализе категории интеррогативности реализуется многоаспектный подход, необходимость которого вызвана не только сложностью и многоплановостью исследуемого явления, неоднозначной его интерпретацией в лингвистической литературе, но и тем, что подобная методология предполагает интегрированное представление исследуемой категории и привлечение сведений из философии, логики, психологии, культурологи. При этом для нас важно отличие философских или психологических оснований языковой категории, с одной стороны, и лингвистических аспектов той или иной философской или психологической теории, с другой.

Рассматривая устройство категории интеррогативности и закономерности функционирования ее единиц, отметим ее тесную связь с деятельностью человеческого разума, в организации которого она играет важную, а может быть, и определяющую роль. Поэтому методологической основой нашего исследования является то, что оно проводится с опорой на достижения философии, психологии, логики в той их части, которая по предмету изучения является общей с лингвистикой.

Таким образом, проблематика интеррогативности и ее категоризация в языке неизбежно оказывается в зоне пересечения важнейших областей человеческого знания. Следовательно, интегрированный подход, заявленный в нашей работе в качестве ведущего, наиболее приемлем, так как он предполагает синтез не только разных направлений языкознания, но и других научных дисциплин.

При рассмотрении категориальной сущности интеррогативности мы использовали следующие **методы**: индуктивный метод: от анализа конкретных языковых фактов к установлению отношений между ними и далее к обобщению теоретических выводов; метод корреляционного семантического анализа: характеристика семантики языковых единиц,

участвующих в формировании категории интеррогативности; метод структурно-семантического анализа: анализ полевой организации категории; метод моделирования; метод наблюдения за языковой единицей в контексте речевых ситуаций.

Апробация работы. Основные теоретические положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры русского языка и докторантском объединении Московского педагогического государственного университета; на заседаниях кафедры русского языка и методики его преподавания Мичуринского государственного аграрного университета. Автор выступал с докладами на международном конгрессе «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ, 2010.), международных научных и научно-практических конференциях: «Слово» (Тамбов, 1995), «Обучение иностранцев в России» (Тула, 1997), «Проблемы моделирования в развивающихся образовательных системах» (Мичуринск, 2004), «Русский язык как государственный язык Российской Федерации и как язык межнационального общения в ближнем зарубежье» (Магнитогорск, МаГУ, 2008), «Русистика XXI века: традиции и тенденции» (Тамбов, 2008), «XI Невские чтения» (С.-Петербург, 2009), «XV Невские чтения» (С.-Петербург, 2013), «Славянский мир в прошлом и настоящем: языки, литература, образование» (Рязань, 2015); всероссийских научно-практических конференциях: «2007 год – год русского языка. Философия и филология русского классического текста» (Пенза, 2007), «Слово. Словарь. Словесность: Петербургский контекст русистики начала XXI века» (С.-Петербург, 2007), а также на межрегиональных и межвузовских научных конференциях.

Содержание диссертации отражено в 38 работах, среди которых 2 монографии, 15 статей, опубликованных в ведущих рецензируемых научных изданиях, определенных Высшей аттестационной комиссией.

Структура диссертационного исследования представлена Введением, 3 главами, посвященными раскрытию и конкретизации названных проблем, Заключением, Списком использованной научной литературы и Списком источников языкового материала.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении раскрывается актуальность темы исследования, определяется объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи, характеризуются новизна, теоретическая и практическая значимость работы, излагаются основные положения, выносимые на защиту, содержатся сведения об апробации научного материала.

В главе 1 «**Коммуникативная интеррогативная ситуация и ее основные параметры**» рассматривается интеррогативная ситуация (ИС) как одно из условий существования категории интеррогативности.

Основной формой реализации ИС является диалог, служащий передаче знаний, убеждению, обучению и побуждению людей к действию. Диалог пронизывает всю человеческую жизнь, в нем и с его помощью индивидуум реализует важные социальные контакты, представленные речевым взаимодействием коммуникантов.

ИС определяет признак неоднородности: она не является монолитной, а дифференцируется в зависимости от положения дел; от той информации, на которую рассчитывает адресант; от того, что представляет собой адресат, т. е. инвариантное значение категории интеррогативности «запрос неизвестной информации» репрезентировано своими вариантами в конкретной речевой ситуации.

Как две полярные ипостаси существуют *истинная* и *мнимая* интеррогативность. *Истинная* интеррогативность – ИС, при которой у адресата не возникает сомнения, что адресант реализует запрос о какой-либо информации, и ему (адресату) необходимо ответить на этот вопрос. В данном случае в интеррогативном высказывании реализуется только запрос об информации, а не побуждение к действию или еще какая-то интенция:

-Скажите, – заговорила Маргарита, и голос ее стал глух, – среди них нет критика Латунского?

-Как же его может не быть? – ответил рыжий, – вон он с краю в четвертом ряду (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 2, 19).

Мнимая интеррогативность, лежащая на периферии интеррогативной ситуации, проявляется в том, что высказывание, формально представленное вопросительным предложением, в зависимости от пропозиции выполняет функцию не только и не столько запроса информации, а имеет еще какой-то смысл. Именно смысл и оказывается доминирующим, а вопросительное предложение лишь форма выражения этого дополнительного значения. И адресантом, и адресатом такое высказывание оценивается не как интеррогативное, а как аффирмативное (1), отрицательное (2) или побудительное (3):

1) Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? (Л.Н. Толстой. Детство, XV).

2) -Ноблесс облиз, – заметил кот и налил Маргарите какой-то прозрачной жидкости в лафитный стакан.

-Это водка? – слабо спросила Маргарита.

Кот подпрыгнул на стуле от обиды.

-Помилуйте, королева, – прохрипел он, – разве я позволил бы себе налить даме водки? Это чистый спирт (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 2, 24).

3) -Ах ты, господи, что за ребенок, за юла за такая! Да посидишь ли ты смирно, сударь? Стыдно! – говорила нянька (И.А. Гончаров. Обломов, I, IX).

Подобные случаи проявляют себя там, где интеррогативная ситуация не укладывается в узкие рамки запроса информации, а взаимодействует с другими типовыми смыслами (просьба, утверждение, оценка и т. д.).

Интеррогативная ситуация в своих интенциях может быть односторонней, при которой адресант и адресат не меняют своих

коммуникативных ролей, и двусторонней, которая характеризуется сменой коммуникативных ролей.

К односторонней ИС относятся допрос и экзамен, а двустороннюю представляют бытовой диалог, полемика и т. п. Например, ситуация допроса:

Прозвучал тусклый, больной голос:

-Имя?

-Моё? – торопливо отозвался арестованный, всем существом выражая готовность ответить толково, не вызывая более гнева.

Прокуратор сказал негромко:

-Моё – мне известно. Не притворяйся более глупым, чем ты есть. Твоё.

-Иешуа, – поспешно ответил арестант (М. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 2).

Ситуация допроса целиком и полностью подчинена коммуникативному намерению адресанта, т. е. допрашивающего. Это проявляется и в том, что только он задает вопросы, и в том, что всячески пресекает попытки допрашиваемого изменить коммуникативный статус.

Интеррогативная ситуация, предусматривающая коммуникативное равноправие говорящих, ярче всего проявляется в полемике:

-Одно, за что я благодарю бога, это за то, что я не убил этого человека, – сказал Пьер.

-Отчего же? – сказал князь Андрей. – Убить злую собаку очень даже хорошо.

-Нет, убить человека нехорошо, несправедливо...

-Отчего же несправедливо? – повторил князь Андрей. – То, что справедливо и несправедливо – не дано судить людям...

-Несправедливо то, что есть зло для другого человека, – сказал Пьер... (Л.Н. Толстой. Война и мир, 2, 2, XI).

Разговор Болконского и Безухова на личную тему «сворачивает» на острую социальную полемику, что объясняется их мировоззрением. Двусторонность ИС иллюстрируется постоянной сменой ролей коммуникантов, попеременно выступающих то как адресанты, то как адресаты.

В дискурсе ИС коммуниканты стремятся реализовать различные цели, мотивированные многими факторами, а определяющим моментом становится внеязыковая действительность, на фоне которой протекает диалог и на которую ориентируется каждый из участников коммуникативного акта. К «интеррогативным» целям отнесем получение, подтверждение, уточнение информации о ситуации в целом, отдельной ее стороне; активизация коммуникативного партнера; содействие продолжению речевого общения; выигрывание времени для обдумывания аргументов; управление разговором; блокирование мыслительного потока речевого партнера и ориентирование его мысли в другом направлении.

Целевые установки влияют на принятие адресатом решений или на его представления о мире и неодинаковы в своей иерархической системе, строящейся на основе ролевых функций коммуникантов, которые составляют основное содержание социальной роли, т. е. неязыковой действительности. Цель этой деятельности подчиняет себе цель коммуникативного акта.

Адресант, замышляя речевое действие, в первую очередь соотносит его с социальной ролью, с той целью, к которой он стремится, реализуя свою ролевую функцию. Данная цель определяет тактику и стратегию речевого взаимодействия в каждом конкретном речевом акте.

Целевая установка, в плане ее реализации адресантом, может быть *успешной* или *неуспешной*.

При *успешном* исходе адресат сигнализирует, что он понял коммуникативного партнера и готов заполнить его информационную лакуну. Это, в первую очередь, проявляется в том, как он реагирует на интеррогативное высказывание: выдает необходимую информацию, отвечая на поставленный вопрос:

-Доктор, – шепотом спросил потрясенный Рюхин, – он, значит, действительно болен?

-О да, – ответил врач ... (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 6).

В случае, когда адресат не желает играть по чужим правилам, цель не будет достигнута, а интеррогативная ситуация будет *неуспешной* и не найдет своего разрешения:

-Вы кто такой будете, гражданин? – испуганно спросил Никанор Иванович.

-Ба! Никанор Иванович, – заорал дребезжащим тенором неожиданный гражданин и, вскочив, приветствовал председателя насильственным и внезапным рукопожатием. Приветствие ничуть не обрадовало Никанора Ивановича.

-Я извиняюсь, – заговорил он подозрительно, – вы кто такой будете? Вы – лицо официальное?

-Эх, Никанор Иванович! – задумчиво воскликнул неизвестный. – Что такое официальное лицо или неофициальное? Все зависит от того, с какой точки зрения смотреть на предмет, все это, Никанор Иванович, условно и зыбко. Сегодня я неофициальное лицо, а завтра, глядишь, официальное! А бывает и наоборот, Никанор Иванович. И еще как бывает!

Рассуждение это ни в какой степени не удовлетворило председателя домоуправления (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 9).

Не менее важен для реализации ИС и фактор тематической обусловленности.

Тема определяет круг языковых средств, которые в соответствии с ситуацией могут быть употреблены в каждом конкретном случае в сокращенном или полном варианте в зависимости от ситуации общения. Знание обоими коммуникантами темы речевого контакта обеспечивает успешность коммуникации. Адресант, желающий узнать или уточнить информацию по конкретной теме, подбирает конфигурации определенных смыслов на основе вышеприведенных факторов ее ограничения, и, в качестве конечной фазы образования интеррогативного высказывания, производит выбор синтаксической конструкции с определенными маркерами вопросительного значения. Например, знание всеми коммуникантами сведений о жаркой погоде

определяет не только тематику вопросительных предложений, но и характер ответов на них, что свидетельствует о понимании адресатом того, что непосредственно нужно спрашивающим:

-Пиво есть? – сильным голосом осведомился Бездомный.

-Пиво привезут к вечеру, – ответила женщина.

-А что есть? – спросил Берлиоз.

-Абрикосовая, только теплая, – сказала женщина.

-Ну, давайте, давайте, давайте! (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 1).

Случаем неуспешности реализации ИС является неожиданный сбой в теме высказывания, который нарушает целостность текста и свидетельствует либо об особой стратегии отправителя речи, актуализации подтекстовой информации:

-Вы знаете ли, я ни разу не был у графа. Он меня не звал... Мне его жалко, как человека... Но что же делать?

-И вы думаете, что Наполеон успеет переправить армию? – спросил Борис улыбаясь.

Пьер понял, что Борис хотел переменить разговор... (Л.Н. Толстой. Война и мир, 1, 1, XIII);

либо указывает на отсутствие стратегии:

-Здравствуй, земляк, – отрывисто сказал Тарантьев, протягивая мохнатую руку к Обломову. – Что ты это лежишь по сю пору как колода?

-Не подходи, не подходи: ты с холода! – говорил Обломов, прикрываясь одеялом (И.А. Гончаров. Обломов, 1, IV).

Тематическая составляющая прагматического аспекта ИС определяет «канву» диалогического процесса. В то же время, тема не есть строго закрепленный компонент, она меняется в зависимости от складывающейся ситуации общения, так как на «игровом поле» диалога находятся участники, каждый из которых реализует свою тему.

К числу важнейших составляющих ИС относятся категории участников общения: адресант и адресат. Речевые послы всегда направлены на кого-то и могут быть вполне поняты и по преимуществу однозначно восприняты только адресатом. Типология участников общения строится по различным признакам: степени активности [Гусев 1990], степени включения [Clark 1987], степени известности, по признаку речевого жанра [Мышкина 1991], на основе коммуникативно-текстовых, социально-типологических и индивидуально-личностных параметров [Воробьева 1989], по величине или числу, по общественному весу.

Большинство лингвистов сходится во мнении, что адресат находится в более жестких рамках в процессе коммуникации, так как «более ограничен в выборе положения дел для ответа, чем спрашивающий в выборе возможных миров для вопроса» [Голубева-Монаткина 2004: 36].

Вместе с тем, адресат – это не пассивное «что-то», продуцирующее ответные сигналы, но и активизирующий участник общения, который не только ответственен за вектор развития сюжета диалога, но сам является

этим вектором. Развитие ИС может пойти по нескольким направлениям и зависит от следующих причин:

1. Концептуальное понимание предмета речи-мысли адресантом совпадает с концептуальным пониманием предмета речи-мысли адресатом. В этом случае интеррогативный акт может состояться:

-А как вы нашли нашего губернатора? – сказала Манилова.

*-**Не правда ли, что препочтеннейший и прелюбезнейший человек?** – прибавил Манилов.*

*-**Совершенно правда,** – сказал Чичиков, – препочтеннейший человек. И как он вошел в свою должность, как понимает ее! Нужно желать побольше таких людей... (Н.В. Гоголь. Мертвые души, 1, 2).*

2. Концептуальное понимание предмета речи-мысли адресантом не совпадает с концептуальным пониманием предмета речи-мысли адресатом. В этом случае реализация интеррогативного акта невозможна по определению, и вследствие отсутствия речевого контакта наблюдается факт коммуникативного несогласования:

Игорь расположился за столиком в позе следователя из дурацкого фильма.

*-**Приятный молодой человек.** – Предъявил фотографию. – Да?*

Она уставилась в недоумении. Подняла глаза:

*-**Что это значит?***

(Неестественная интонация. Точно неестественная.) (А как же ей быть естественной, если человек ничего не понимает впрямь?)

*-**Это значит,** – он изобразил жесткую усмешку, – **что твой бывший кавалер рыцарски уступил тебя мне.** И даже угостил ужином в ресторане в знак своего расположения.*

*-**Не понимаю...** (М. Веллер. О любви).*

3. Концептуальное понимание предмета речи-мысли адресантом частично совпадает с концептуальным пониманием предмета речи-мысли адресатом. В этом случае успешность или неуспешность интеррогативного акта зависит от ряда условий: желания / нежелания адресанта и адресата вступать в коммуникативные отношения; их расположенности на шкале социальной градации; темпоральной синхронизации / рассинхронизации адресанта и адресата; эмоционального состояния. Например:

А ведь в этой комнате умерла татап? – сказал Володя.

***Я не отвечал ему и притворился спящим** (Л.Н. Толстой. Юность, XXIII).*

Интеррогативная ситуация предполагает не только постановку вопроса, но и реализацию в ней ответного речевого хода, представляющего собой деятельность адресата, реагирующего на запрос информации. Оба компонента с самого начала своего зарождения неравноправны в коммуникативном акте: ответная реплика зависит от вопроса. В основе классификации ответных реплик лежит функционально-семантический подход, учитывающий соответствие / несоответствие сообщаемой респондентом информации характеру запроса [Г.В. Валимова 1967, Н.И. Голубева-Монаткина 2004].

Таким образом, интеррогативная коммуникативная ситуация воспринимается, осознается и оценивается говорящим в том или ином аспекте, на который реагирует язык в ходе формирования интеррогативного значения высказывания.

В главе 2 «**Семантика интеррогативного высказывания и способы ее выражения в современном русском языке**» рассматривается семантическая организация интеррогативного высказывания и система формирующих ее языковых средств.

Семантическая структура высказывания представляет собой смысловое единство как результат сложного взаимодействия семантических компонентов на основе иерархических отношений в пределах определенной коммуникативной ситуации. Любое высказывание, независимо от коммуникативной направленности, в своей семантической основе имеет тождественный набор сем. Различаются лишь «доли» этих сем, их процентное содержание. Для семантики конкретного высказывания самым значимым представляется интегральный компонент, в связи с чем определяется инвариант, конституирующий смысл, то есть смысл, общий для всех высказываний данной категории. Данный признак формирует семантическое поле, в состав которого входят все единицы, обладающие данным смыслом в той или иной мере. Кроме того, в высказывании реализуются дифференциальные смыслы, которые присущи лишь этой единице и с помощью которых оно может быть выделено из системы ему подобных. Интегральный и дифференциальный смыслы в семантике высказывания соответственно определяются как категориальный компонент и некатегориальный компонент.

Категориальный семантический компонент высказывания (КСК) – тот базовый компонент понятийного значения синтаксической структуры, который отличает один коммуникативный тип высказывания от другого в конкретной ситуации общения. **Некатегориальный семантический компонент** (НКС) – компонент, не влияющий на отнесение конкретного высказывания к определенному коммуникативному типу, но который присутствует в глубинной семантической структуре, несколько расширяя пропозицию.

Интеррогативная семантика представляет собой сложную комплексную организацию, формируемую семантическими категориями адресанта, адресата, характером запроса, основанием запроса и т. п., а ее семантические компоненты объединяются единой смысловой доминантой «известное – неизвестное».

В описании семантической структуры интеррогативного высказывания мы исходим из того факта, что основными коммуникативными типами предложения являются повествовательное, побудительное и вопросительное, разграничение которых зависит от их категориальной семантики, определяющим компонентом которой соответственно будет сема бытийности, сема императивности, сема интеррогативности.

Разведение типов высказывания по линии «повествовательность – побудительность – вопросительность» связано с пониманием оппозиции [Н.С. Трубецкой 1960]. Если принять во внимание, что в речевом акте представлено противопоставление реализаций коммуникативных типов высказываний, то каждый из них репрезентирован несколькими оппозициями, или «сюжетными линиями». Они обусловлены самими принципами построения и содержания речевого акта: наличием внеязыковой ситуации, составом участников, темой и целью коммуникативного контакта, другими параметрами.

Наша речь всегда направлена на кого-то, поэтому *первая оппозиция* реализуется на уровне коммуникантов: «адресант – адресат» и характерна для внешних речевых актов, как интеррогативных (1), так и неинтеррогативных (2), где количество участников больше одного, и соотносится с таким фундаментальным видом организации речи, как диалог:

1) *-Поступай к нам в политехникум...*

-Я уже окончил один гуманитарный вуз, – торопливо молвил великий комбинатор.

-А что ты теперь делаешь? – спросил Паровицкий.

-Да так, по финансовой линии.

-...Сколько у вас миллионов? – спросила девушка в гимнастических туфлях, подбивая его на веселый ответ.

-Один, – сказал Остап, бледнея от гордости.

-Что-то мало, – заявил усатый (Ильф, Петров. Золотой теленок, 3, XXXIV).

2) *Помолчали. Потом Чонкин посмотрел на ясное небо и сказал:*

-Сегодня, видать по всему, будет вёдро.

-Будет вёдро, если не будет дождя, – сказал Леша (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина, 1, 1, 16).

Нарушение такой оппозиции предполагает изменение самой сущности интеррогативной композиции. Так, во внутренней речи достаточно условно проявляются оппозиции на уровне коммуникантов (при всей видимости раздвоения персонажного голоса адресант и адресат «восходят» к одному лицу) и на семантическом уровне (адресант, задавая вопрос самому себе, или уже знает на него ответ, или знает, что ответа он не получит в необходимом для него объеме):

Райский сердито шел домой. «Где же она, эта красавица, теперь? – думал он злобно, – вероятно на любимой скамье зевает по сторонам – пойти посмотреть!» (И.А. Гончаров. Обрыв, II, XXI).

ИВ представляет собой высказывание, направленное на определенного адресата. В связи с этим в их семантической структуре выделяют сему адресатности [ср., у И.Д. Чаплыгиной 2001]. Однако данная сема не является отличительным признаком вопросительного предложения. Любое высказывание представляет собой речь не для себя, а для другого. Значение адресатности уже «заложено» в семантической структуре коммуникативной единицы, в которой в то же время «заложено» и значение адресантности, т. к.

любое высказывание принадлежит какому-то говорящему и с этой стороны формирует его модальную окраску, но не определяет коммуникативный тип, поэтому сему адресатности и сему адресантности применительно к интеррогативному высказыванию мы квалифицируем как некатегориальные.

Вторая оппозиция проявляется на семантическом уровне и представляет собой дихотомию «*незнание – знание*». Адресант, как правило, определяет тематическую направленность речевого отрезка и некоторым образом заявляет о своих прагматических намерениях, которые сводятся к устранению «незнания». В вопросительной конструкции всегда отражено не просто неизвестное, а подлежащее выяснению, вопрос имеет смысл только тогда, когда существует необходимость и возможность получения ответа на него, тогда как для невопросительного высказывания такие требования факультативны. Это определяется тем, что незнание в вопросительной конструкции выражено явно, собственно языковыми средствами, – самой структурой высказывания, требующей устранения этого незнания, и реализующейся в диалоге, тогда как в других функциональных типах это незнание структурно не выражено: адресант хотя и говорит о своем незнании какого-то факта, но у него нет потребности по той или иной причине устранить информационную лауну здесь и сейчас.

Незнание, отсутствие необходимой для общения и жизни информации, возникающие вследствие этого сомнения, проблемы, появление неточного знания побуждают человека к постановке вопросов, направленных на устранение незнания, которое может быть самого различного характера и объема. Отсюда и варианты семантики интеррогативности: запрос обо всем положении дел или запрос о каком-либо отдельном факте положения дел.

Запрос обо всем положении дел свидетельствует о практически полном отсутствии информации у адресанта по интересующему факту и о желании узнать о нем целиком, пока что без каких-то подробностей. Говоря о практически полном отсутствии знаний, мы имеем в виду, что спрашивающий все-таки владеет какой-то, пусть даже самой мизерной, информацией о предмете запроса, иначе он не смог бы в принципе сформулировать вопрос: ведь прежде, чем спросить, нужно знать, о чем спрашивать.

Если же задается вопрос об отдельной стороне факта, то это свидетельствует о намерении глубже проникнуть в положение дел, углубить свое знание об интересующем явлении. Показателен в этом отношении следующий пример:

-Что вы хотели?

-Средство для волос.

-Для ращения, уничтожения, окраски?

-Какое там ращение! – сказал Ипполит Матвеевич. – Для окраски (Ильф, Петров. Двенадцать стульев, I, IV).

Продавец предполагает, что покупатель [Воробьянинов] с какой-то целью зашел к нему в магазин, но точно не знает, в чем состоит это намерение. Он задает вопросы, помогающие ему определиться с выбором

услуги, а так как ответ на первый вопрос вначале оказывается недостаточным, то семантика следующего интеррогатива идет по пути конкретизации, причем уже в самом вопросе заложен вариант ответа. Тем самым адресант очерчивает необходимый круг денотатов, который и будет определять его дальнейшие действия.

Третья оппозиция характеризуется как *оппозиция категориальных (КСК) и некатегориальных семантических компонентов (НСК)* высказывания. Так, например, в интеррогативном высказывании КСК интеррогативности (запрос информации) противопоставлен НСК ассертивности и императивности, в повествовательном КСК ассертивности – НСК интеррогативности и императивности, в побудительном КСК императивности – НСК ассертивности и интеррогативности.

Категориальный семантический компонент интеррогативности реализуется в высказывании в своих вариантах, частных семах, выражающих запрос по определенному положению дел. В каждом конкретном интеррогативном акте они строго индивидуальны и входят в семантическое «объединение» только данного высказывания. Реализация таких сем будет определяться уже не сколько лингвистическими факторами, а прагматическими. Применительно к данному типу считаем возможным употребить термин **«прагмасема интеррогативности»** (вопросительности). В зависимости от характера запрашиваемой информации прагмасы могут быть представлены в виде следующей классификации:

1. Прагмасы в речевых актах запроса предметной, фактической информации. Они представляют, с одной стороны, самый яркий тип выражения интеррогативности, поскольку «напрямую» отражают желание адресанта узнать о каком-либо конкретном положении дел, т. е. свидетельствуют об интересах коммуниканта «здесь и сейчас» устранить информационную лакуну, а с другой стороны, отличаются широтой охвата семантической тематики. Именно такие прагмасы представлены в «истинных» вопросах и формируют ядро семантики интеррогативности.

1.1. Прагмасы выяснение информации:

1.1.1. Прагмасема события, ситуации:

-Что со мной будет?! А – а – ах! Что я наделал?! – говорил я вслух, прохаживаясь по мягкому ковру кабинета (Л.Н. Толстой. Отрочество, XII).

1.1.2. Прагмасема наличия, реализующаяся как в альтернативном вопросе:

-Ну, покажи же, Николенька, что у тебя – коробочка или рисованье? – сказал мне папа (Л.Н. Толстой. Детство. XVI),

так и в безальтернативном вопросе:

-Ведь вот ты, – прибавил он (Базаров), обращаясь к сидевшему на козлах мужику, – ты, умница, есть у тебя жена? (И.С. Тургенев. Отцы и дети, XIX).

1.1.3. Прагмасема уточнения информации (общий вопрос, требующий уточнения):

Иван Сидоров. Чем же они живут?

Муромский. Чем живут?.. Чем живут?.. Ну – государево жалование тоже получают (А. Сухово-Кобылин. Дело, 1, 8).

1.1.4. Прагмасемы специальной (обстоятельственной и определительной) характеристики реализуются в вопросах по поводу какой-то одной стороны положения дел. В этом случае предполагается, что об остальных аспектах внеязыковой ситуации спрашивающий или знает в достаточной мере, или они ему неинтересны:

1.1.4.1. Прагмасема времени:

*София. **Который час?***

Лизанька. Седьмой, осьмой, девятый (А.С. Грибоедов. Горе от ума, 1, 1).

1.1.4.2. Прагмасема направления:

-Ну, хорошо, – смягчилась наконец Низа, – пойдём.

-А куда, куда?

-Погоди... (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 2, 26).

1.1.4.3. Прагмасема места:

Увидев, что я пришел в себя, он наклонился еще ближе и быстро прошептал:

-Только один вопрос: где ключ от сейфа? (В. Войнович. Москва 2042).

1.1.4.4. Прагмасема причины:

*Подхалюзин. **Отчего же это у вас руки трясутся?***

Рисположенский. От заботы, Лазарь Елизарыч, от заботы, батюшка (А.Н. Островский. Свои люди – сочтемся, II, 5).

1.1.4.5. Прагмасема цели:

...доктор вдруг вскочил, сверкнул глазами и сказал, грубо отчеканивая каждое слово:

-Зачем вы все это говорите мне? (А.П. Чехов. Враги).

1.1.4.6. Прагмасема условия:

*-Бенеш уже согласился на пан-Европу, но знаете, **при каком условии?***

Пикейные жилеты собрались поближе и вытянули куриные шеи (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок, 2, XIV).

1.1.4.7. Прагмасема взаимообусловленности:

*На чем же держится и от чего зависит **прямая разница таких отношений у нас и за границей?** (Н.С. Лесков. Русские общественные заметки).*

1.1.4.8. Прагмасема способа:

*Шамраев. Гм... Это великолепно, но **на чем же вы поедете, многоуважаемая?** (А.П. Чехов. Чайка, 2).*

1.1.4.9. Прагмасема меры и степени:

*-Очень рад, – отвечал Николай. – Он отличный человек. **Что ж, ты очень влюблена?***

-Как тебе сказать, – отвечала Наташа... (Л.Н. Толстой. Война и мир, II, 4, I).

1.1.4.10. Прагмасема количественной характеристики весьма многообразна и реализуется в запросах о явлениях, поддающихся какому-либо исчислению:

- Запрос о весе:
- Слушаю-с, – отвечала Фенечка. – Сколько прикажете купить?* (И.С. Тургенев. *Отцы и дети*, VIII).
- Запрос о расстоянии:
- Сколько километров до Ялты?* – спросил Римский (М.А. Булгаков. *Мастер и Маргарита*, I, 10).
- Запрос о возрасте:
- Год! а! давно бы так сказал!* – перебил Петр Иванович, - *это она предложила? Какая же он умница! Сколько ей лет?*
- Запрос о росте:
- И у всех – и у больных и у приходящих – он спрашивал, какого роста их жены* (Л.Н. Андреев. *Жили-были*).
- Запрос о количестве человек:
- Ваши произведения сколько человек писали?*
- Как это сколько?* – удивился я (В. Войнович. *Москва 2042*).
- Запрос о количестве предметов:
- А пушек? Пушек сколько?*
- Вероятно, около шестидесяти–семидесяти* (Б. Васильев. *Были и небыли*, 2).
- Запрос о количестве денег:
- Он повернул к себе ее лицо и спросил: -Сколько?*
- Ты-тысяча* (В. Распутин. *Деньги для Марии*).
- 1.1.4.11. Прагмасема качественной характеристики:
- Мама! какое пирожное будет?* – еще решительнее, не срываясь, прозвучал голосок Наташи (Л.Н. Толстой. *Война и мир*, I, 1, XVI).
- 1.1.5. Прагмасемы идентификации реализуются в интеррогативных высказываниях с целью определить лицо или предмет по какому-то отличительному признаку.
- 1.1.5.1. Прагмасема лица:
- Кто сей?* – спросил Павел Петрович (И.С. Тургенев. *Отцы и дети*, IV).
- 1.1.5.2. Прагмасема предмета / персоны:
- Павел Петрович повел усами. – Ну, а сам господин Базаров, собственно, что такое?* – спросил он с расстановкой... (И.С. Тургенев. *Отцы и дети*, V).
- 1.1.5.3. Прагмасема принадлежности:
- Великатов. Курочки-то это ваши?* (А.Н. Островский. *Таланты и поклонники*, I, 7).
- 1.1.5.4. Прагмасема признака / названия:
- Помолчали, потом Пилат задал вопрос по-гречески:*
- Итак, ты врач?* (М.А. Булгаков. *Мастер и Маргарита*, I, 2).
- 1.1.5.5. Прагмасема объекта:
- Да им совсем не нужно понимать нашу беседу,* – промолвил Базаров.
- О ком вы говорите?* – вмешалась Евдокия (И.С. Тургенев. *Отцы и дети*, XIII).
- 1.1.5.6. Прагмасема адресата:

-Так через час я тебя жду в машине. На углу, как договорились. Ты как?

-Замечательно! (М. Веллер. О любви).

2. Прагмасемы выяснения интеллектуальных отношений направлены на определение реактивных возможностей собеседника:

2.1. Прагмасема выяснения согласия / несогласия:

-Короче! – вскричал Коровьев, совсем коротко: вы не откажитесь принять на себя эту обязанность? (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 2, 22).

2.2. Прагмасема осведомленности:

-Ты слышал, Николай, что дети едут в Москву? – сказал Карл Иванович, входя в комнату (Л.Н. Толстой. Детство, IV).

2.3. Прагмасема памяти:

-Вы меня помните? – спокойно, с приятной улыбкой сказал Борис (Л.Н. Толстой. Война и мир, I, 1, XIII).

2.4. Прагмасема степени вероятности:

Милонов. Ваш родственник, вероятно? (А.Н. Островский. Лес, 1, 4).

2.5. Прагмасема степени неопределенности:

-А вы уцелели? Прятались, что ли? (В. Астафьев. Пролетный гусь).

2.6. Прагмасема долженствования:

-А ведь ехать надо? – сказал Николай. – Приди-ка ко мне с Уваркой (Л.Н. Толстой. Война и мир, 2, 4, III).

2.7. Прагмасема необходимости:

Аркадина. Серой пахнет. Это так нужно? (А.П. Чехов Чайка, 1).

2.8. Прагмасема разрешения:

-А можно ему у вас побыть нынче денек? – сказал старик... (Л.Н. Толстой. Юность, XVII).

2.9. Прагмасема способности / неспособности:

-Ты можешь прыгнуть с моста? (М. Веллер. О любви).

2.10. Прагмасема мнения:

Одинцова обратилась к Аркадию:

-А ваше какое мнение, Аркадий Николаевич? (И.С. Тургенев. Отцы и дети, XVI).

2.11. Прагмасема выяснения желания / потребности:

-Хочешь сигарку? – закричал опять Базаров (И.С. Тургенев. Отцы и дети, III).

2.12. Прагмасема выяснения намерения:

-Так как же, Аркадий, – заговорил опять Николай Петрович, оборачиваясь к сыну, – сейчас закладывать лошадей, что ли? Или вы отдохнуть хотите? (И.С. Тургенев. Отцы и дети, II).

2.13. Прагмасема предпочтения:

-Так-с, так-с. Вот как вы изволите шутить. Это вы все, стало быть, отвергаете? Положим. Значит, вы верите в одну науку? (И.С. Тургенев. Отцы и дети, VI).

3. Прагмасемы выяснения эмоционального отношения. Они позволяют спрашивающему определить не только характер эмоций, но и выработать стратегию своего дальнейшего поведения.

3.1. Прагмасема выяснения эмоции:

-Вы так разочарованы? – спросил Базаров (И.С. Тургенев. *Отцы и дети*, XVII).

3.2. Прагмасема выяснения положительного / отрицательного отношения:

-Не правда ли, что нынче очень весело? – сказал я тихим, дрожащим голосом... (Л.Н. Толстой. *Детство*, XXIII).

3.3. Прагмасема выяснения интереса / отсутствия интереса:

-Какая же разница? Чувствуете ли вы что-нибудь особенное? – добивался он.

-А вам хочется знать? – спросила она лукаво (И.А. Гончаров. *Обломов*, 2, IX).

3.4. Прагмасема выяснения удивления:

Дон Пабло. Вас удивили мои слова? Но мне не должно претворяться: я решил высказать все, что так давно ношу в сердце... (И.С. Тургенев. *Неосторожность*).

3.5. Прагмасема выяснения беспокойства, страха:

-Ну что, Гран, – сказал я Иленьке, когда он возвращался от стола, – *набрались страха?* (Л.Н. Толстой. *Юность*, XL).

3.6. Прагмасема выяснения одобрения / неодобрения:

-Что ж ты супругу свою любимую не встречаешь? Аль не рад? (В. Войнович. *Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина*, 1).

4. Прагмасемы речевого этикета определяются культуроповеденческими правилами социума и представлены клишированными интеррогативными структурами.

4.1. Прагмасема привлечения внимания:

У Ани еще блестели слезы на глазах, но она уже не помнила ни о матери, ни о деньгах, ни о своей свадьбе, а пожимала руки знакомым гимназистам и офицерам, весело смеялась и говорила быстро:

-Здравствуйте! Как поживаете? (А.П. Чехов. *Анна на шее*).

4.2. Прагмасема знакомства:

-...Тебя как звать-то?

-Чонкин я, Ваня (В. Войнович. *Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина*, 1, 1, 14).

5. Прагмасемы структурирования речи выражают способ оформления речевого акта, в первую очередь, различных его фаз. Употребление ИВ связано с началом речевого акта или его основной части, тогда как в завершающей части диалога практически не встречаются интеррогативы, а если таковые имеются, то прагмасема таких высказываний будет относиться к какому-то другому типу.

5.1. Прагмасема начала речевого акта:

-Здравствуй, Илья. Как я рад тебя видеть! Ну что, как ты поживаешь? Здоров ли? – спросил Штольц.

-Ох, нет, плохо, брат Андрей, – вздохнув, сказал Обломов, – какое здоровье! (И.А. Гончаров. Обломов, 2, II).

5.2. Прагмасема побуждения к речи:

-Ведь вы не одни; извольте отвечать или нет? – сказал молодой профессор, но Иконин даже не взглянул на него (Л.Н. Толстой. Юность, X).

5.3. Прагмасема показателя внимания к речи собеседника:

Крепко сжав его задрожавшие пальцы, она (Даша – А. Л.) спросила (Телегина – А. Л.) после молчания:

-Что вы мне сказали тогда, на дороге?.. Она сморщила лоб. Какая война? С кем?

-С немцами.

-Ну, а вы?

-Уезжаю завтра (А.Н. Толстой. Хождение по мукам, 1, 15).

5.4. Прагмасема прерывания собеседника, беседы:

-Да что квартира? Главное, спокойствие-то какое у тебя будет: все равно как у родной сестры. Двое ребятишек, холостой брат, я всякий день буду заходить...

-Ну, хорошо, хорошо, – перебил Обломов, – ты вот теперь скажи, что мне со старостой делать? (И.А. Гончаров. Обломов, 1, IV).

Представленная классификация не является конечной и может быть уточнена и расширена за счет выделения нюансов того или иного варианта запроса информации. Кроме того, некоторые прагмасемы являются переходными случаями семантики интеррогативности (например, некоторые прагмасемы структурирования речи).

Четвертая оппозиция реализуется на уровне структурирования речи-мысли: «инициальная реплика – реактивная реплика», что проявляется в виде реплики-вопроса и реплики-ответа. В вопросительной инициальной реплике всегда отражено не просто неизвестное, а подлежащее выяснению. Образуемое диалогическое единство (вопросо-ответный комплекс) представляет собой маркирующий элемент любого интеррогативного акта:

Он стал искать глазами начальство и, увидев невысокого худого человека с усами, в офицерских пагонах, ходившего позади народа, обратился к нему.

-Не можете ли вы, милостивый государь, мне сказать, – сказал он с особенно напряженной вежливостью, – где содержатся женицины и где свидания с ними разрешаются?

-Вам разве в женскую надо?

-Да, я бы желал видеть одну женицину из заключенных, – с тою же напряженной вежливостью отвечал Нехлюдов.

-Так вы бы так говорили, когда в сборной были. Вам кого же нужно видеть?

-Мне нужно видеть Екатерину Маслову.

-Она политическая? – спросил помощник смотрителя.

-Нет, она просто...

-Она что же, приговоренная?

-Да, третьего дня была приговорена, – покорно отвечал Нехлюдов, боясь как-нибудь попортить настроение зрителя, как будто принявшего в нем участие.

*-Коли в женскую, так сюда пожалуйста, – сказал **зритель** (Л.Н. Толстой. Воскресение, XLII).*

В приведенном текстовом фрагменте сочетание всех оппозиций представляет собой семантически полноценный интеррогативный речевой акт. В коммуникативной ситуации «задействованы» три коммуниканта, каждый из которых обладает элементами знания и незнания пропозиции. Нехлюдов знает, что Маслова в тюрьме, но не знает, где конкретно она содержится, знает, что помочь ему может тюремный зритель и этим зрителем является офицер, который, в свою очередь, не знает статуса Масловой и вместе со своим помощником выясняют это у Нехлюдова. Именно знание каждым из них необходимой информации, а также знание того, какой вопрос нужно задать, делает данный интеррогативный акт успешным.

Оппозиция «вопрос – ответ» наиболее явно представлена на коммуникативной оси, на одном полюсе которой находится адресант с его желанием узнать что-то от кого-то, на другом – адресат с его возможностью ответить или не ответить на заданный вопрос.

Нарушение оппозиции со стороны адресата сводит «на нет» все попытки адресанта реализовать свои прагматические установки. В этом случае говорят о коммуникативной неудаче, которая определяется как нарушение процесса обмена информацией между коммуникантами [ср., В.С. Третьякова 2002].

Семантика категории интеррогативности выражена системой разноуровневых средств: от фонетических до синтаксических. На лексико-семантическом уровне интеррогативное значение формируется в виде *полевой* структуры, характеризующейся тем, что ее единицы покрывают различные понятийные сегменты, которые при этом частично перекрываются и находятся в отношении дополнительной дистрибуции.

Ядро и периферию КИ составляют лексемы со значением познания, которое осуществляется в три этапа: от незнания через узнавание к знанию.

К ядерным компонентам относятся те лексические единицы, в которых сема интеррогативности представлена эксплицитно: вопросительные местоимения и наречия, вопросительные частицы, глаголы и идиоматические сочетания, обозначающие активные познавательные процессы, отдельные группы имен существительных, наречий и слов категории состояния, то есть лексемы, в семантике которых уже «заложено» интеррогативное значение – сема «запрос информации».

Ядро лексико-семантической категории интеррогативности состоит из сегментов, каждый из которых формируется по своим собственным правилам, но объединяющим моментом выступает прагматическая установка на выяснение неизвестного, на преодоление препятствий на пути получения знания.

Первый сегмент представлен вопросительными местоимениями и наречиями:

-Кто тебя просил трогать мои вещи? – сказал вошедший в комнату Володя, заметив расстройство, произведенное мною в симметрии разнообразных украшений его столика. – А где флакончик? Непременно ты... (Л.Н. Толстой. Отрочество, V);

Второй – вопросительными частицами:

-Неужели вы в самом деле так думаете? – сказал Нехлюдов, пристально взглядываясь в меня.

-Серьезно, – отвечал я. (Л.Н. Толстой. Отрочество, XXVI).

Третий – глаголами и глагольными идиоматическими сочетаниями:

Я подошел к Дубкову и спросил его, много ли он протанцевал вальсов с ней (Л.Н. Толстой. Отрочество, XXXIX).

Способы представления интеррогативного понятия различаются между собой внутриязыковой семантикой, категориальным смыслом, но по денотативной же семантике глаголы, местоимения, наречия и частицы со значением интеррогативности равнозначны.

Денотативный семантический компонент «интеррогативность» может быть выражен в любой части речи русского языка, что объясняется тем, что любое явление действительности подвергается процессу узнавания.

Реализация семантики интеррогативности преимущественно осуществляется на синтаксическом уровне и связана с тем, на какой объем получения информации рассчитывает говорящий, обращаясь к своему собеседнику. В связи с этим и выделяются три разновидности вопросительного предложения по ожидаемой информации: общевпросительные, частновпросительные и альтернативные, которые реализуются в своих структурно-семантических вариантах.

Структурная основа вопросительной конструкции лишена интонации, но каждое конкретное интеррогативное высказывание и все его синтаксические изменения обязательно имеют определенную интонационную окраску и обладают большим прагматическим потенциалом. Языковая система предоставляет адресанту разнообразные возможности выразить в интеррогативном предложении свое отношение к предмету речи, к ситуации, о которой сообщается, к адресату.

Интеррогативное высказывание реализуется самыми разнообразными структурными типами – простыми и сложными, а также прямой речью.

Типичным свойством русских предложений является двусоставность, находящая свое отражение и в построении вопросительного предложения, так как вопросы зачастую связаны с выяснением действий и признаков, характерных для конкретного субъекта, представленного подлежащим.

В связи с этим наиболее частотна и общеупотребительна в функции запроса интеррогативная конструкция, построенная по образцу простого двусоставного предложения с предикатом речи-мысли и объектом, выраженным вопросительным местоимением:

Иван Сидоров. Чем же они живут?

Муромский. Чем живут?.. Чем живут?! Ну – государево жалованье тоже получают (Сухово-Кобылин. Дело. 1, 88).

При имитации живой разговорной речи используются *неполные конструкции*, состоящие из одного, но самого важного компонента в конкретной коммуникативной ситуации – ситуации запроса:

Марья Михайловна велит, например, заложить коляску.

-Куда это, маменька? – спросит Наденька.

-Поедем прогуляться: погода такая славная, – говорит мать. (И.А. Гончаров. Обыкновенная история, 1, IV).

Сущностные структурные характеристики неполного вопросительного предложения (НВП) заданы условиями функционирования разговорной речи: погруженность коммуникантов в один контекст и общность их понятийной базы.

НВП в диалогическом тексте используются в различных целях: экономия языковых средств, передача эмоционального напряжения, достижение успешного коммуникативного эффекта, стилизация под разговорную речь и т. п., и представляют собой обусловленные тем или иным положением дел эллиптические образования, в которых или отсутствует значимый компонент синтаксической структуры, например, полнознаменательный глагол:

-Миленький мой, я вообще ни во что не верю, – усмехнулся он. – Я не верю, а думаю. И мне кажется, что какие-то шансы еще есть.

*-Шансы? – я задохнулся от возмущения. – После всего того, что вы натворили? **Какие там шансы?** (В. Войнович. Москва 2042),*

или отсутствует член построения, понятный из контекста. Такие конструкции реализуются в определенных коммуникативных условиях, а «выпадая» из них, допускают множественность осмыслений по причине широкой семантической валентности:

Я стоял посреди известного в Мюнхене магазина Кауфхоф (по нашему – Торговый двор) в полной растерянности.

*В самом деле, всего полно, а что купить не представляю. **Джинсы? Зажигалки? Калькуляторы? Жвачки?** (В. Войнович. Москва 2042).*

В интеррогативной ситуации нередко использование односоставных глагольных и именных предложений.

1. Глагольные интеррогативные предложения представлены всеми своими типами:

а) инфинитивные:

*Тригорин. **Значит, ехать?** Опять вагоны, станции, буфеты, отбивные котлеты, разговоры (А.П. Чехов. Чайка, 3);*

б) безличные:

*Брусило. **Не ладно ль, что ль, пропето?***

*Курилка. **Ай да мы!** (А.Н. Островский. Снегурочка, 3, 1);*

в) определенно-личные:

-Жуешь? – спрашивал Иона свою лошадь, видя ее блестящие глаза. –
Ну, жуй, жуй... (А.П. Чехов. Тоска);

г) обобщенно-личные:

-Может, война началась? Расстреливать возят?..

-Тю на тебя, дурак! (А. Солженицын. В круге первом, 1, 14);

д) неопределенно-личные:

-Вы имеете понятия о страданиях? Позвольте: вас в детстве секли?

-Нет, мои родители питали отвращение к телесным наказаниям
(А.П. Чехов. Палата № 6, X).

2. Именные интеррогативные предложения представлены в двух своих разновидностях:

а) номинативные:

Аркадина. Любовь провинциальной девочки? О, как ты мало себя знаешь! (А.П. Чехов. Чайка, 3);

б) генетивные:

-Есть у тебя платок? – спросил папа. Я вынул из кармана и показал ему.

-Ну, так возьми на платок эту серую собаку...

-Жирана? – сказал я с видом знатока.

-Да, и беги по дороге... (Л.Н. Толстой. Детство, VII).

Сложные вопросительные предложения менее употребительны в диалогической речи, чем простые. Это объясняется тем, что в диалоге они затрудняют восприятие речи, замедляют процесс общения между коммуникантами, поэтому для диалогической структуры не свойственны многокомпонентные вопросительные сложные структуры, не дающие возможности быстро уловить суть вопроса. Другим фактором, позволяющим избегать сложные конструкции в структуре диалога, является конситуация, пропозиция, предварительные знания коммуникантов о создавшемся положении дел. Напротив, в монологической речи и художественном диалоге могут употребляться усложненные структуры СП, состоящие из четырех-пяти предикативных частей.

В сложноподчиненном предложении (СПП), имеющем в своем составе вопросительную часть, реализуется синтаксическое слияние, проявляющееся в объединении двух коммуникативно и семантически завершенных высказываний.

В СПП с вопросительной связью частей используются лексико-грамматические средства, свойственные простым ВП, в частности вопросительные местоимения и интонация. Но так как на базе исходных компонентов происходит образование качественно новой единицы, то функционирование и взаимодействие указанных средств отличается своеобразием, обусловленным законами СПП данного типа. В первую очередь, происходит ограничение плана коммуникативной установки. При образовании сложной конструкции первичная функция придаточной части нейтрализуется целеустановкой главного компонента. «Сохранение» вопросительного придаточного, обозначаемого на письме вопросительным знаком, говорит о лексико-грамматическом изменении либо СПП в целом,

либо его отдельных компонентов, поэтому вопросительная интонация в СПП с вопросительной связью частей выполняет акцентирующую и стилистическую функции.

ИВ может входить в структуру СПП следующим образом:

-как придаточная структура, выражающая интеррогативное значение в СПП и расположенная после императивных, повествовательных и вопросительных структур:

*Она оглянулась и в ту же минуту узнала лицо Вронского. Приложив руку к козырьку, он наклонился перед ней и спросил, **не нужно ли ей чего-нибудь, не может ли он служить ей?** (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 1, XXX);*

-как сложная интеррогативная структура, всем своим составом выражающая интеррогативное значение:

Варенька покачала головой и положила свою руку на руку Кити.

*-Да в чем же стыдно? – сказала она. – **Ведь вы не могли сказать человеку, который равнодушен к вам, что вы его любите?** (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 2, XXXII);*

-как интеррогативная структура, входящая в сложное синтаксическое образование:

*На мой вопрос, **где он достал деньги на билет**, он, усмехнувшись, напомнил мне о недавнем дерзком ограблении Дюссельдорфского банка, когда были убиты один кассир и два полицейских. (В. Войнович. Москва 2042);*

-как интеррогативная структура, выражающая вопросительное значение в составе конструкции с прямой речью:

-Граф Вронский, – сказала Анна.

*-А! Мы знакомы, кажется, – равнодушно сказал Алексей Александрович, подавая руку. – Туда ехала с матерью, а назад с сыном, – сказал он, отчетливо выговаривая, как рублем даря каждым словом. – **Вы, верно, из отпуска?** – сказал он и, не дожидаясь ответа, обратился к жене своим шуточным тоном: – **что ж, много слез было пролито в Москве при разлуке?** (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 1, XXXI).*

Структура СПП может включать любой тип придаточного, что объясняется возможностью вопросительного местоимения не только запрашивать информацию, но и выполнять функцию связующего компонента между главной (невопросительной) и придаточной (вопросительной) частями. Сами сложные конструкции сохраняют все признаки СПП с союзным придаточным: главной части свойственна структурно-семантическая незавершенность, обусловленная наличием переходного глагола определенной семантики, которая ориентирует предикативную часть на выполнение заданной синтаксической функции:

*Трофимов. **Укажите мне, где у нас ясли, о которых говорят так много и часто, где читальни?** (А.П. Чехов. Вишневы сад, 2).*

Включение интеррогативного высказывания в структуру сложносочиненной конструкции (ССП) явление довольно редкое, что объясняется структурной организацией речи. Эквивалентом СПП с вопросительной часто выступает сочетание отдельных коммуникативных структур: адресанту «легче»

выстроить цепочку простых интеррогативных и неинтеррогативных предложений, тем самым определив и их семантическую значимость, которая вынудит адресата обратить внимание на каждую из заявленных информации. Задавая «отдельный» вопрос, адресант подчеркивает его значимость, желание услышать на него ответ, при этом адресат не отвлекается на другую информацию.

Высказывание, построенное по образцу ССП, характеризуется как интеррогативное в двух случаях:

1) если все части его содержат вопрос:

-За что же ты Белецкого поцеловала, а меня не хочешь? – спросил Ленин.

-А так, не хочу, и все, – отвечала она... (Л.Н. Толстой. Казаки, XXV).

2) если в нем сочетаются повествовательная часть в препозиции с вопросительной частью в постпозиции:

Дружнин. Я с вами согласен; но много ли таких женщин? (А.Н. Островский. Неожиданный случай, 2, IV).

Тип ССП с одной вопросительной частью является более распространенным в речи, а фиксированный порядок расположения частей обуславливается функцией ИВ, характером соотношения частей, интонационной несочетаемостью вопросительного и следующего за ним повествовательного предложения.

Бессоюзные сложные предложения (БСП) с вопросительной частью близки по структуре к повествовательно-вопросительным СПП. Место вопросительной части в БСП фиксировано: оно всегда находится в конце предложения, поясняя и дополняя предыдущую часть:

Лидочка. Ах, тетенька, я ничего не могла сказать... я только спросила: точно ли вы меня любите? (А. Сухово-Кобылин. Свадьба Кречинского, 1, 5).

Отличие БСП с вопросительной частью от повествовательно-вопросительного СПП проявляется в том, что «строение придаточной части изъянительного предложения отражает ее зависимость от главной; строение той части БСП, которая по функции соответствует придаточной части изъянительного предложения, вполне свободно» [Грамматика 70: 738 - выделено в тексте нами - А.Л.]. Между частями БСП нет той синтаксической зависимости, которая отмечается в повествовательно-вопросительных СПП.

Вопросительными в БСП могут быть все составляющие его части, каждая из которых оформляется как отдельное вопросительное предложение, соединяясь между собой интонационно:

-Это что же он в ноги-то, это эмблема какая-нибудь? – попробовал было разговор начать вдруг почему-то присмиривший Федор Павлович (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы, 1, 2, VI).

Таким образом, семантика интеррогативности – самостоятельное лингвистическое явление, связанное с семантикой неизвестности, обладающее ярко выраженным субъективным характером, проявляющееся в противопоставлении с другими категориальными смыслами, формирующееся

семантическими категориями адресанта, адресата и учитывающее характер и основание запроса.

В главе 3 «**Функционально-семантическое поле как способ организации категории интеррогативности**» анализируется системно-структурная организация функционально-семантического поля интеррогативности и парадигма функций Интеррогативного высказывания.

Учитывая основания классификации, характеристика поля интеррогативности будет выглядеть следующим образом: по признаку возможности выражения одного или более инвариантных значений *ФСП интеррогативности* относится к *монокатегориальным* на том основании, что инвариантность представлена одним категориальным значением – запрос информации о неизвестном; все остальные значения трактуются как вариативные или второстепенные.

ФСП интеррогативности формируется разноуровневыми языковыми средствами. В основе формирования лежит синтаксическая категория вопросительности, но без учета просодических и лексических средств картина будет не полной. Следовательно, ФСП интеррогативности относится к *гетерогенным (полисистемным) полям*.

В основе *полевой организации* категории интеррогативности лежит *синтаксическая модель вопросительного предложения*, функциональная, семантическая и структурная парадигма которой образует *синтаксическое поле*, понимаемое как группировка синтаксических моделей на основании близости выражаемых ими интеррогативных значений, представляющих собой обобщенное отражение отношений объективной реальности.

Категория интеррогативности не укладывается в разработанную А.В. Бондарко классификацию функционально-семантических полей на основе их системных связей [А.В. Бондарко 2002]. Это объясняется тем, что категория интеррогативности предполагает «точки пересечения» с разными понятийными категориями языка, в формировании которых она в той или иной степени участвует: персональность, коммуникативная перспектива высказывания, определенность-неопределенность, субъектность, но в первую очередь это относится к отношениям с *категорией модальности*. От того, как определять роль интеррогативности в формировании модальности, зависит понимание ФСП интеррогативности как поля с предикативным ядром или относящегося к полю другого типа.

Принимая во внимание, что модальность представляет собой многоуровневую функционально-семантическую категорию, особое место в ней отводится вопросительной модальности, специфика которой определяется признаком интеррогативности, выделяемом в ряду таких признаков, как повествовательность, побудительность и желательность. На данный факт указывал и В.В. Виноградов: модальность прежде всего проявляется в *различных функциональных типах* предложения [Виноградов 1950: 57-58 – выделено нами – *А.Л.*]. Среди них выделяется четыре основных модальных типа: восклицательные, вопросительные, описательные и

предложения, выражающие пожелания и приказания. В связи с этим категория интеррогативности квалифицируется нами как функционально-семантическая категория, в основе которой лежит ФСП с предикативным ядром.

С другой стороны, интеррогативная конструкция формирует *коммуникативную перспективу высказывания*, нацеленную на устранение неопределенности и неизвестности.

Выражение семантики интеррогативности напрямую связано с актуальным членением предложения, его коммуникативной установкой. Структура ВП обуславливает особенность его актуального членения, которая проявляется в открытом характере ремы: конкретным содержанием она наполняется в ответе, а степень ее открытости бывает большей или меньшей в зависимости от знаний коммуникантов, в первую очередь адресата, о действительности. Определяя содержание и структуру ответного предложения, рема формирует смысловой центр запроса информации:

Он смотрел на нее и был поражен новой, духовною красотой ее лица.

-Что вы хотите от меня? – сказал он просто и серьезно.

-Я хочу, чтобы вы поехали в Москву и просили прощенья у Кити, – сказала она, и огонек замигал в ее глазах (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 2, VII).

Реализующаяся в ИВ сущность коммуникативной перспективы высказывания позволяет рассматривать ФСП интеррогативности как ФСП с субъектно-объектным ядром.

Учитывая, что категория интеррогативности обладает признаками, как минимум, двух полевых организаций (модальности и коммуникативной перспективы высказывания), мы пришли к выводу, что ФСП интеррогативности *с точки зрения системных связей* является *ФСП смешанного типа*.

Таким образом, функционально-семантическое **категория интеррогативности** представляет собой понятийную категорию, в основе которой лежит *монокатегориальное гетерогенное функционально-семантическое поле смешанного типа*.

Отнесенность категории интеррогативности к категориям, построенным по принципу поля, потребовала описания самого ФСП интеррогативности. Позиция определенного типа ИВ на поле интеррогативности определяется четырьмя признаками:

1. Какую *функцию* выполняет.
2. Какое *значение* имеет.
3. В каком *типе речи* функционирует.
4. В какой *форме* реализуется.

С учетом данных признаков расположение ИВ в поле в пространстве выглядит следующим образом: **ядро** ФСП интеррогативности образуют ИВ с эксплицитно представленным категориальным семантическим компонентом (КСК) «запрос информации», реализованные в конкретных структурно-

семантических разновидностях вопросительного предложения в диалогическом типе речи.

Вопросительные предложения представлены четырьмя подгруппами: а) собственно-вопросительными ВП: *Другая дорога тут есть?* б) неопределенно-вопросительными ВП – с указанием на неуверенность: *Вы как будто расстроены?* в) констатирующе-вопросительными ВП – с указанием на уверенность: *Значит, я не ошибся?* г) альтернативными ВП (разделительными): *Неужели я имею такой жалкий вид или уж не нарочно ли она это делает, чтоб узнать, как я поступлю в этом случае?*

Ближняя периферия состоит из ИВ с категориальным семантическим компонентом (КСК) «запрос информации», реализованными в конкретных структурно-семантических разновидностях вопросительного предложения в монологическом типе внешней речи и во внутренней речи персонажа (ВР).

Употребление в монологической речи ИВ, свойственного непосредственному общению, определяет и форму повествования: монолог облекается в форму вопросо-ответного построения. Главная функция вопроса – стремление говорящего выяснить что-либо неизвестное – сохраняется, но в монологической речи реакция на вопрос осуществляется самим говорящим. Такое соотношение определяется тем, что такие вопросы обращены, прежде всего, к самому себе. И даже в том случае, когда вопрос адресуется читателю, в письменном монологическом тексте он имеет цель активизировать процесс речевого общения, вовлекая читателя в ход описываемых события, а не побуждение к высказыванию:

Он (Пьер – А. Л.) каждый день говорил себе одно и одно: «Надо же, наконец, понять ее и дать себе отчет: кто она? Ошибался ли я прежде или теперь ошибаюсь? Нет, она не глупа; нет, она прекрасная девушка! – говорил он сам себе иногда (Л.Н. Толстой. Война и мир, 1, III, 2).

Использование ИВ во внутренней речи подчинено общей функциональной направленности художественного произведения, реализующейся в системе связей: повествователь (автор) – персонаж – читатель. В этой системе отношений, каковы бы ни были способы включения интеррогативного предложения в текст внутренней речи, передающей структурную организацию интеррогативной ситуации, оно всегда является особым средством установления контакта между читателем и повествователем (автором), осознанно или неосознанно возбуждающим внимание к тому фрагменту текста, которое включает в себя интеррогативное высказывание:

«Что это такое? – думал князь Андрей, подъезжая к этой толпе солдат. – Это не может быть цепь, потому что они в куче. Не может быть атака, потому что они не двигаются; не может быть каре: они не так стоят» (Л.Н. Толстой. Война и мир, 1, 2, XVII).

Во внутренней речи наиболее активно используется вопросо-ответный комплекс, имитирующий ситуацию диалога. Однако при всей видимости создания диалогической структуры, в частности, и интеррогативной ситуации, в целом, ИВ и ответная часть принадлежат одному лицу, что способствует

созданию такого специфического явления, как раздвоение персонажного голоса, свидетельствующее о проявлении «мнимой» интеррогации, где функция ИВ сводится не к запросу о положении дел, а активизации мыслительного процесса.

Таким образом, ближняя периферия ФСП интеррогативности формируется с учетом двух основных требований:

1) Ситуативно обособленное ИВ должно восприниматься как вопросительное, т. е. такое, которое реализует сему интеррогативности – «запрос информации», несмотря на «необычные» условия употребления.

2) Ситуация речи представлена не диалогом, а такими типами речи, как монолог и внутренняя речь.

Дальняя периферия представлена ИВ, выполняющими вторичные функции в различных типах речи. Функции охватывают не только интеррогативные интерпретации адресанта в коммуникативном акте, но и его опосредованные реляционные представления через различные исходящие от него дополнительные ориентации (побуждение, выражение реакции и т. д.), что отражается и на образующей категорию интеррогативности полевой системы языковых средств и значений. Это проявляется в многочисленных взаимодействиях с другими системными интеграциями (побуждение, волеизъявление, оценка, эмотивность), включающимися под определенным углом зрения в сферу интеррогативности или обнаруживающие с ней зоны частичного наложения, пересечения.

В подобных случаях происходит *нейтрализация семы интеррогативности* и *актуализация других компонентов значения* в зависимости от коммуникативной направленности высказывания, от объективных и субъективных условий речевого акта. Это приводит к изменению функциональной направленности ИВ, когда категориальное значение отступает на второй план и служит «фоном» для других значений. Характер нейтрализации интеррогативного значения и, как следствие этого, изменение функциональной направленности высказывания может быть различным.

В сегменте пересечения поля интеррогативности и *поля бытийности* располагаются ИВ со значением утверждения или отрицания с различной степенью уверенности – риторические вопросы:

-Откуда вы знаете, как меня зовут?

-Помилуйте, Иван Николаевич, кто же вас не знает? – здесь иностранец вытащил из кармана вчерашний номер «Литературной газеты» (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1, 1).

Риторический вопрос [ср., А.В. Канафьева 2011] служит типичным примером расхождения содержания высказывания и интенции адресанта. Адресат может воспринимать высказывание как запрос и реагировать на него в форме ответа. Однако по замыслу говорящего в его фразе не мыслится никакой запрос, а сообщается определенное мнение абсолютно позитивного характера.

Критерием риторического вопроса на семантическом уровне является отсутствие в нем запроса о неизвестном. Рема риторического вопроса, в отличие от ремы истинного вопроса, не является открытой, что сближает с ремой повествовательных высказываний, и обеспечивает импликацию утверждения или отрицания, противоположную выраженной в высказывании с формальной структурой вопроса:

Чичиков только улыбался, слегка подлетывая на своей кожаной подушке, ибо любил быструю езду. И какой же русский не любит быстрой езды? Его душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «черт побери все!» – его душе не любить ее? Ее ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чуждое? (Н.В. Гоголь. Мертвые души, I, 11).

В этом самом известном сочетании риторических высказываний каждое из них, обладая сильнейшей эмоциональной выраженностью, само по себе идиома, исключая домысливание и понимающаяся однозначно. Интонация восклицательного высказывания обусловлена и подкреплена «окружением» вопросительного местоимения частицами, вносящих определенное модальное «настроение» во всю интеррогативную конструкцию.

В сегменте пересечения поля интеррогативности и *поля побудительности* располагаются интеррогативные высказывания со значением побуждения (директивные вопросительные предложения): просьбы, требования, предложения, приглашения, совета и т.д. В этом случае они относятся и к периферии ФСП интеррогативности, и к периферии ФСП побудительности, в ряде случаев накладываясь одно на другое. Их грамматический статус не предполагает у них в качестве первичной побудительную функцию. Например:

Сергея рассердил на меня: сжал кулаки, топнул ногой и голосом, который ясно доказывал, что он очень больно ушибся, закричал мне:

-Ну, что это? После этого игры никакой нет! Ну, что же ты меня не ловишь? Что же ты меня не ловишь? – повторял он несколько раз (Л.Н. Толстой. Детство, XIX).

Интеррогативность и побудительность объединяет четкая направленность на адресата, что является главной прагматической чертой любого речевого действия. Как вопрос, так и побуждение требуют определенных действий, и такое соотношение инициации и реакции является условием, которое реализуется способность одного коммуникативного типа высказывания функционировать в качестве другого.

В сегменте пересечения поля интеррогативности и *эмоционально-оценочного поля* находятся эмотивные интеррогативные высказывания (аффективные вопросы – П. Рестан), а само эмоционально-оценочное поле пронизывает все поля в качестве их эмотивной оценки.

Любое ИВ потенциально связано с самыми разнообразными эмоциональными оттенками, и его коннотации могут возникнуть именно благодаря возможности неограниченного выбора интонации для произнесения. Эмотивные ИВ могут выражать самый широкий спектр

различных эмоций: упрек, возмущение, недовольство, гнев, испуг, сомнение, восхищение, радость и т. п.:

-Пленум есть, – сказал Персицкий еще тише, – и две зарисовки, но они не дают мне места.

-Как не дают? С кем вы говорили? Что они, походили с ума?

Секретарь побежал ругаться (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, 2, XXIV).

Они не составляют какой-то отдельный класс в системе ИВ, так как эмоциональность не влияет на структуру и коммуникативную направленность. Меняется только интонация в зависимости от того, какой тип высказывания приобретает дополнительный аффективный смысл.

Особое место на ФСП интеррогативности отводится встречным вопросам, располагающимся на пересечении с *полевым пространством коммуникативной установки высказывания*. Воспринимаемые по грамматической форме и интонационной оформленности как собственно вопросительные высказывания, они располагаются на периферии поля. Употребление встречного вопроса в структуре диалога обусловлено различными прагматическими задачами. Как правило, в реальной ситуации общения задающий встречный вопрос преследует несколько целей: смена темы разговора, выражение сомнения, уточнение информации, смена коммуникативных ролей и т. п.:

Лебезятников шагнул в комнату.

-И вы осмелились меня в свидетели поставить? – сказал он, подходя к Петру Петровичу.

-Что это значит, Андрей Семенович? Про что такое вы говорите?
– пробормотал Лужин (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание, 5, III).

В ряду встречных вопросов выделяется цитатный вопрос, представляющий собой вопросительную трансформацию исходного вопроса собеседника. В нем заключается идея диалогичности языка. Переспрос связывает реплики партнеров по коммуникации в тематико-смысловое единство, а также преследует исполнение прагматической функции, отражающей способ воздействия адресанта на адресата:

Тут как раз до моих книг и дошло. Они были у меня уложены на самом дне чемодана. Таможенник поинтересовался, что это за книги, и я не без гордости сказал, что это мои собственные книги.

-Ваши собственные? – переспросил он.

-Ну да, – сказал я. – Мои собственные. А что вас удивляет? (В. Войнович. Москва 2042).

Таким образом, категория интеррогативности обладает своей собственной функциональной направленностью, реализующейся в интеррогативном высказывании, предназначена для выяснения неизвестного положения дел и организуется в понятийную категорию, в основе которой лежит монокатегориальное гетерогенное функционально-семантическое поле смешанного типа.

В **Заключении** обобщаются результаты исследования, доказывающие существование функционально-семантической категории (ФСК) интеррогативности. Статус ФСК позволяет интерпретировать интеррогативное значение как взаимодействие языковой системы и мыслительно-речевой деятельности. Функциональная природа интеррогативного значения, его динамика, соотношение языковой картины мира и семантического поля с семантической доминантой «запрос информации» определяют ряд зависимостей: «коммуникативная ситуация – семантическая категория – форма языкового знака – функция», при этом каждый элемент зависимостей прагматизирован, то есть определяется отношением между знаковыми системами и теми, кто ими пользуется. Условия процесса коммуникации, прагматические сферы адресанта и адресата являются основой систематизации интеррогативных высказываний.

Категориальным основанием интеррогативности выступает категориальный смысл вопросительности, который не только представлен в речи, но и является принадлежностью строя языка, формируя комплекс грамматических единиц и их функциональных возможностей.

В качестве грамматикализованного ядра интеррогативности выступает система разноуровневых средств: синтаксическая категория (вопросительные предложения), лексико-грамматическая категория (вопросительные местоимения, частицы, глаголы с семантикой запроса) и интонация, возможности которой в выражении вопросительного значения невозможно переоценить.

Универсальность категории интеррогативности подчеркивается и тем фактом, что в языковой системе она имеет самые непосредственные пересечения с другими ФСК, интегрируя даже те категории, соположенность которых в принципе невозможна. Такая уникальная «способность» интеррогативности проявляется в том, что, с одной стороны, для выражения вопросительных значений используются невопросительные средства, а с другой, вопросительные по форме высказывания реализуют различные эмотивные и регулятивные смыслы.

В классификации функционально-семантических полей полевая организация интеррогативности не находит себе определенного места, что связано с тем участием, которое принимает интеррогативность в формировании базовых категорий языка – модальности и коммуникативной перспективы высказывания.

Определяя функционально-семантическую категорию интеррогативности как понятийную категорию, в основе которой лежит *монокатегориальное гетерогенное функционально-семантическое поле смешанного типа*, мы выдвигаем тезис о сложном и неоднозначном характере данного языкового явления.

Публикации по теме диссертации
Монографии

1. Логинов, А.В. **Вопросительное предложение во внутренней речи персонажа художественного произведения: монография / А.В. Логинов. – Мичуринск: МГПИ, 2007. – 175 с. – 11 п.л.**

2. Логинов, А.В. **Категория интеррогативности в современном русском языке: монография / А.В. Логинов. – Мичуринск: МГПИ, 2010. – 350 с. – 20,3 п.л.**

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ

3. Логинов, А.В. **Адресант и адресат в диалогическом пространстве / А.В. Логинов // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2009. – №2. – С. 49-54. – 0,4 п.л.**

4. Логинов, А.В. **Интеррогация во внутренней речи / А.В. Логинов // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2009. – Вып. 7 (75). – С. 277-281. – 0,6 п.л.**

5. Логинов, А.В. **Синтаксическая организация функционально-семантической категории интеррогативности / А.В. Логинов // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2009. – №3. – С. 40-45. – 0,4 п.л.**

6. Логинов, А.В. **Семантическая организация вопросительного высказывания / А.В. Логинов // Русский язык в школе. – 2009. – №9. – С. 61-65. – 0,5 п.л.**

7. Логинов, А.В. **Интеррогативная ситуация и ее прагматические составляющие / А.В. Логинов // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2010. – №1. – С. 14-18. – 0,3 п.л.**

8. Логинов, А.В. **Интеррогативность как компонент структуры текста / А.В. Логинов // Проблемы полиграфии и издательского дела. – 2010. – №2. – С. 144-150. – 0,6 п.л.**

9. Логинов, А.В. **Структурный и системный статус категории интеррогативности / А.В. Логинов // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2010. – №2. – С. 31-36. – 0,4 п.л.**

10. Логинов, А.В. **Реализация периферийных значений интеррогативного высказывания в художественном тексте / А.В. Логинов // Проблемы полиграфии и издательского дела. – 2011. – №4. – С. 132-139. – 0,6 п.л.**

11. Логинов, А.В. **Функциональная периферия категории интеррогативности / А.В. Логинов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 5 (16). – С. 104-108. – 0,3 п.л.**

12. Логинов, А.В. **Лексические средства выражения семантики интеррогативности / А.В. Логинов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – №6 (17). – С. 82-85. – 0,3 п.л.**

13. Логинов, А.В. **Местоимения как средство выражения интеррогативной семантики / А.В. Логинов // Филологические науки.**

Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – №1 (31): в 2-х ч. Ч. П. – С. 110-114. – 0,4 п.л.

14. Логинов, А.В. Роль вопросительных частиц в организации семантического пространства интеррогативного высказывания / А.В. Логинов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – №1 (31): в 2-х ч. Ч. П. – С. 115-119. – 0,4 п.л.

15. Логинов, А.В. Глагольные средства выражения семантики интеррогативности / А.В. Логинов // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. – Мичуринск-наукоград РФ, 2014. – №1. – С. 140-144. – 0,5 п.л.

16. Логинов, А.В. Интеррогативность как функционально-семантическая категория / А.В. Логинов // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. – Мичуринск-наукоград РФ, 2014. – №4. – С. 104-109. – 0,7 п.л.

17. Логинов, А.В. Реализация интеррогативной ситуации в диалоге / А.В. Логинов // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2014. – Вып. 11 (139). – С. 321-327. – 0,7 п.л.

Статьи в журналах и сборниках

18. Логинов, А.В. Использование вопроса и вопросо-ответного комплекса во внутренней речи персонажа / А.В. Логинов // Текстовый аспект в изучении синтаксических единиц: Межвуз. сб. науч. тр. – Л., 1990. – С. 136-143. – 0,5 п.л.

19. Логинов, А.В. Вопросо-ответный комплекс как синтаксическая доминанта внутренней речи персонажа / А.В. Логинов // Современная лингвистика: проблемы и решения: Межвуз. сб. науч. тр. – Тамбов, 1994. – С. 68-75. – 0,2 п.л.

20. Логинов, А.В. Функционирование вопросительных предложений во внутренней речи персонажа художественного произведения / А.В. Логинов // Проблемы преподавания русского языка в школах и вузах России, Ближнего и дальнего Зарубежья. – Тамбов, 1995. – С. 95-96. – 0,2 п.л.

21. Логинов, А.В. Внутренняя речь персонажа как текстовая категория / А.В. Логинов // Актуальные проблемы преподавания филологии в рамках системы «вуз – гимназия – прогимназия»: Межвуз. сб. науч. тр. – Мичуринск, 1995. – Ч. 1. – С. 73-81. – 0,4 п.л.

22. Логинов, А.В. Мотивационно-композиционное вхождение вопросо-ответного комплекса внутренней речи персонажа в текстовое пространство художественной прозы / А.В. Логинов // Слово: Материалы междунар. лингв. конф. – Тамбов. – 1995. – С. 18-20. – 0,2 п.л.

23. Логинов, А.В. Монологическая речь и монолог и их сопряжение с внутренней речью художественного произведения / А.В. Логинов // Актуальные проблемы преподавания филологии в рамках системы «вуз – гимназия»: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. – Мичуринск, 1996. – С. 54-61. – 0,4 п.л.

24. **Логинов, А.В.** Вопросо-ответный комплекс и его специфика во внутренней речи персонажа художественного реалистического произведения / А.В. Логинов // Обучение иностранцев в России: Мат. междунар. лингв. конф. – Тула, 1997. – С. 41-42. – 0,2 п.л.

25. **Логинов, А.В.** О содержательно-функциональной характеристике вопросо-ответного комплекса внутренней речи персонажа художественного произведения / А.В. Логинов // Теория и практика преподавания русского языка в вузе и школе: Материалы межвуз. конф. – Мичуринск, 1998. – С. 90-96. – 0,4 п.л.

26. **Логинов, А.В.** Вопросительное предложение в когнитивном аспекте / А.В. Логинов // Проблемы моделирования в развивающихся образовательных системах: материалы IV Междунар. научно-практич. конф. – Мичуринск, 2004. – С. 279-281. – 0,2 п.л.

27. **Логинов, А.В.** Прагматический аспект категории интеррогативности / 2007 год – год русского языка. Философия и филология русского классического текста / А.В. Логинов // Сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции. – Пенза, 2007. – С. 90-91. – 0,4 п.л.

28. **Логинов, А.В.** Интеррогативный коммуникативный акт с точки зрения успешности / неуспешности его реализации / А.В. Логинов // Русский язык как государственный язык Российской Федерации и как язык межнационального общения в ближнем зарубежье: сборник материалов междунар. научно-практич. конф. – Магнитогорск: МаГУ, 2008. – С. 36-40. – 0,3 п.л.

29. **Логинов, А.В.** Интеррогативность как функционально-семантическое поле / А.В. Логинов // «Слово. Словарь. Словесность: Петербургский контекст русистики начала XXI века»: Материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 14-16 ноября 2007 года / Отв. ред. В.Д. Черняк. – СПб.: САГА, 2008. – С. 382-387. – 0,3 п.л.

30. **Логинов, А.В.** Поле интеррогативности и место в нем вопросительного предложения / А.В. Логинов // Актуальные проблемы преподавания русского языка в школе и в вузе. – Мичуринск: МГПИ, 2008. – С. 106-109. – 0,2 п.л.

31. **Логинов, А.В.** Семантическая организация интеррогативного высказывания / А.В. Логинов // Материалы международной научно-практической конференции научной сессии «XI Невские чтения» (22-24 апреля 2009 г.). – СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2009. – С. 108-112. – 0,3 п.л.

32. **Логинов, А.В.** Теория речевых актов и место в ней вопросительного предложения / А.В. Логинов // Актуальные проблемы преподавания гуманитарных, естественно-научных и математических дисциплин в школе и вузе: межвуз. сб. статей. Вып. 5. – Мичуринск: МГПИ, 2009. – С. 15-18. – 0,3 п.л.

33. **Логинов, А.В.** О некоторых параметрах интеррогативной ситуации / А.В. Логинов // Сборник материалов Всероссийской научной конференции. – Ярославль, 2009. – С. 36-41. – 0,3 п.л.

34. **Логинов, А.В.** Интеррогативность как семантическая категория / А.В. Логинов // Русистика XXI века: традиции и тенденции: сборник материалов Международной научной конференции (20-22 ноября 2008 г.). – Тамбов, 2010. – С. 117-120. – 0,2 п.л.

35. **Логинов, А.В.** Функционально-семантическая организация категории вопросительности / А.В. Логинов // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2010 г.): Труды и материалы. – М.: Изд-во Моск. ун-т, 2010. – С. 431. – 0,1 п.л.

36. **Логинов, А.В.** Адресант и адресат в коммуникативной ситуации / А.В. Логинов // Актуальные проблемы современной науки: Материалы научных конференций научной сессии «XV Невские чтения» (22-27 апреля 2013 г.). – СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2013. – №1 (4). – С. 89-93. – 0,3 п.л.

37. **Логинов, А.В.** К вопросу об изучении семантической организации интеррогативного высказывания в школе / А.В. Логинов // Актуальные вопросы обучения русскому (родному) языку: сб. материалов Межрегион. конф., 15-17 декабря 2014 г.: в 2 ч. – Рязань, 2015. – Ч. 2. – С. 17-20. – 0,3 п.л.

38. **Логинов, А.В.** Выражение интеррогативного значения в сложноподчиненном предложении / А.В. Логинов // Славянский мир в прошлом и настоящем: языки, литература, образование: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф., 20-22 мая 2015 г. – Рязань, 2015. – С. 97-102. – 0,4 п.л.